

К вопросу о побегах заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.)

Евгений В. Суверов^{а, @}

^а Барнаульский юридический институт МВД России, Россия, г. Барнаул

@ suverovev69@mail.ru

Поступила в редакцию 04.02.2020. Принята к печати 15.05.2020.

Аннотация: Анализируется ситуация, связанная с побегами заключенных в Западной Сибири. Незаконное покидание ими мест лишения свободы в 1930–1945 гг. стало значительной проблемой для функционирования всей советской исправительно-трудовой системы. Цель – установление причин, последствий и форм побегов заключенных из мест лишения свободы в Западной Сибири в указанный период. Бытовая неустроенность, сложный производственный график, засилье бандитского элемента, суровые карательные меры за незначительные преступления и относительно мягкое наказание за побеги провоцировали осужденных на нарушение социалистического законодательства. Халатное отношение к службе, несоблюдение дисциплины и должностных инструкций, недостаточно эффективное использование агентурного аппарата способствовало незаконному уходу спецконтингента. Рост числа побегов в конце 1930-х гг. был связан с массовыми репрессиями в СССР и увеличением количества осужденных. В годы Великой Отечественной войны наблюдалась обратная картина: в связи с сокращением спецконтингента (из-за оккупации противником европейской части страны и призыва в действующую армию осужденных) уменьшилась численность беглых заключенных. Беглецы представляли реальную угрозу для местных жителей: оказавшись на свободе они совершали убийства, грабежи, разбои, кражи, изнасилования, тем самым значительно ухудшая непростую криминогенную обстановку в Западно-Сибирском регионе в изучаемый период. Благодаря самоотверженной службе сотрудников ОГПУ – НКВД СССР удалось предотвратить большое число побегов, задержать сбежавших заключенных.

Ключевые слова: лагеря, охрана, тюрьма, Сиблаг, Алтайлаг, Западная Сибирь, побеги заключенных

Для цитирования: Суверов Е. В. К вопросу о побегах заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 362–369. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-362-369>

Введение

Статья посвящена изучению ситуации, связанной с побегами заключенных из мест лишения свободы в Западной Сибири в 1930–1945 гг. Автор использовал ранее засекреченные документы, хранившиеся в ведомственных архивах системы МВД России Алтайского края, Тюменской, Новосибирской и Кемеровской областей. Цель – установление причин, последствий и форм побегов заключенных из мест лишения свободы в Западной Сибири в указанный период.

Ряд ученых предпринимали попытки изучения вопросов о мерах по предотвращению побегов заключенных [1; 2], мотивации побегов [3] и бегства заключенных в разные районы страны [4], о мерах по предупреждению правонарушений во время следственных действий [5]. Исследовались причины массовых неповиновений заключенных [6], особенности развития пенитенциарной системы в СССР [7–11] и отдельных регионах страны [12–15], развитие системы наказания [16] и трудовой деятельности осужденных [17] в России. Но комплексное исследование по побегам заключенных в Западной Сибири в 1930–1945 гг. так и не было подготовлено.

Причины побегов

Советская пенитенциарная политика предполагала полную самокупаемость мест заключения с перевоспитанием заключенных с помощью трудовой деятельности [18, с. 37]. Карательные меры советского государства значительно усилились после убийства 1 декабря 1934 г. видного советского и политического деятеля С. М. Кирова. С этого момента началась новая волна репрессий. Была введена внесудебная система («тройки»), в рамках которой обвиняемый был лишен возможности защиты своих интересов. Эти меры значительно увеличили количество заключенных, к чему не совсем была готова советская пенитенциарная система.

При становлении новой советской исправительно-трудовой системы в полной мере не учитывался дореволюционный опыт профилактических мер по предупреждению побегов как не соответствующий новым коммунистическим идеалам. Так, в царское время арестант, совершивший побег или застигнутый во время его подготовки, изолировался в отдельную камеру, где на него надевались ручные или ножные кандалы весом 5–5,5 фунтов¹. Согласно Правилам о наградах, выдаваемых за поимку арестантов и ссыльных,

¹ О предупреждении побега арестантов, ст. 405–415 // Свод законов Российской империи. В 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб.: Деятели, 1913. Кн. 5. Т. XIV. С. 203–204.

учинивших побег (1906), за поимку беглых арестантов всем участвующим в задержании выдавалась денежная премия в размере 3 руб. каждому за одного арестанта или ссыльного. Средства на премирование взysкивались с лиц, укрывавших беглых, а при невозможности их установить – отпускались из казны [19, с. 43–44].

Формально пенитенциарная политика основывалась на нормах Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г., поскольку де-факто условия отбывания в лагерях и колониях устанавливались ведомственными актами НКВД СССР [20, с. 43]. На основании ст. 82 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., «Побег арестованного из-под стражи или из места лишения свободы наказывался лишением свободы на срок до трех лет»². Относительно мягкое наказание за побег (по сравнению с большими сроками за незначительные преступления) провоцировало бегство арестантов. Так, в июле 1930 г. заключенный Восьмушинко, работавший на Новосибирском кирпичном заводе, за совершенный побег без насилия над охраной был отправлен в штрафную роту сроком на 5 месяцев³.

Мотивации совершения побегов были разные: невыносимые санитарно-бытовые условия, засилье бандитско-воровского элемента, угроза жизни и здоровью, несправедливый приговор, невозможность терпеть длительную разлуку с родственниками и близкими людьми. Вынуждали к побегу и невыплаченный картонный долг, желание самоутвердиться, повысить свой авторитет в преступной среде. Нередко беглецы являлись эмоционально неуравновешенными, психически нездоровыми, малограмотными людьми, не осознававшими до конца последствия своих деяний. Уныние, безвыходность, необъяснимая тревога, чувство протеста из-за грубого обращения подталкивало часть заключенных к совершению побегов.

С тяжелыми условиями содержания в советской пенитенциарной системе обвиняемые сталкивались еще находясь в следственных тюрьмах. Тюремная система Западной Сибири в изучаемый период находилась в подчинении Сибирского исправительно-трудового лагеря. В нее в 1935 г. входили Новосибирская, Томская, Барнаульская, Бийская, Каменская, Барабинская, Старо-кузнецкая, Кемеровская и Ойротская тюрьмы⁴.

Усиление репрессивной политики во второй половине 1930-х гг. значительно увеличило поток арестованных, что в 1937 г. привело к переполнению всех помещений в алтайских тюрьмах в 10 раз, в Бийской – в 17 раз. Когда начальник

Барнаульской тюрьмы С. Стычковский доложил начальнику управления НКВД Алтайского края С. Попову, что в тюрьме огромная скученность, кормить арестованных нечем, мест больше нет, он получил жесткий ответ: «их нужно не садить, а втискивать коленкой в камеру»⁵. Отношение к спецконтингенту со стороны охраны нередко было необоснованно грубым.

Во время изнурительных этапов заключенные получали обморожения, травмы, умирали от переутомления и истощения. Всю зиму 1937–1938 гг. через томское село Богословка шли этапы осужденных. «Стояли лютые сибирские морозы, а заключенные были одеты в легкую летнюю одежду. Стараясь как-то сберечь тепло, они укутывали тряпками свои лица и ноги. Как только их заводили в дом, они начинали отирать обмороженные лица, ноги, руки. Всю ночь в доме слышались стоны и бред людей, заболевших в дороге. Заключенные располагались на ночь рядами на полу до сорока человек. Арестанты обертывали бумагой пальцы и ступни ног, а затем уже натягивали ботинки»⁶.

Бытовая неустроенность, переполненность барачных и тюремных камер, отсутствие элементарных удобств, антисанитария, низкое качество медицинского обслуживания толкали заключенных на побег. В декабре 1943 г. в колонне № 34 Алтайского исправительно-трудового лагеря (Алтайлага) сложилось катастрофическое положение. В больницу из этой колонны было направлено 49 заключенных, в отдельный лагерьный пункт – 82 заключенных. У многих было обнаружено нарушение обмена веществ (пеллагра, дистрофия). Заключенные пешком в течение суток преодолевали 14–16 км, после чего им необходимо было выполнять трудовую норму. В этой колонне выявлены большие недостатки продуктов. Только в последнюю неделю ноября на кухне было украдено 39 кг жиров, в первую неделю декабря – 84 кг рыбы, 24 кг мяса и 9 кг жиров⁷. В 1944 г. из Славгородской тюрьмы в Алтайлаг прибывало много «завшивленных» заключенных⁸.

Во время инспекторской проверки в январе 1945 г. в тюрьме № 1 УНКВД г. Тюмени был обнаружен ряд недостатков. Не во всех камерах, где содержались несовершеннолетние заключенные, были койки и постельные принадлежности (камеры № 40, 46, 47). В тюремных помещениях была большая скученность при наличии свободных незаселенных камер. Беременные женщины в камере № 21 не получили постельные принадлежности и были размещены на голых койках. Коридоры всех корпусов тюрьмы требовали побелки.

² Уголовный кодекс РСФСР. Редакция 1926 г. Ст. 82. М.: Юридическая литература, 1950. С. 67.

³ Архив Информационного центра (АИЦ) ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Д. 31. Л. 118.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 719. Л. 8, 9.

⁵ Государством призванные / ред.-сост. А. И. Кобелев. Барнаул: Алтай, 2004. Кн. 2. С. 507.

⁶ Игнатов Г. Последний день беглеца // Память бережно хранит: сборник воспоминаний, архивных и музейных документов, газетных публикаций о судьбах людей, невинно пострадавших в годы политических репрессий в СССР, и событиях тех лет / ред.-сост. Л. А. Уланова. Асино: Изд-во Асиновское, 2008. С. 94, 95.

⁷ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-635. Оп. 2. Д. 77. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 1.

Вновь прибывающие заключенные в течение нескольких дней не снабжались ложками⁹.

Санитарно-бытовое состояние заключенных в годы Великой Отечественной войны значительно ухудшилось. Это было связано со старыми нерешенными проблемами советской пенитенциарной системы, усилившимися в тяжелейший период военного времени, когда вся страна жила под девизом «Все для фронта, все для победы!».

Халатность надзирательского состава к своим служебным обязанностям способствовала нарушению режима содержания осужденными. Побег из мест заключения становился возможным из-за несоблюдения мер надзора за заключенными со стороны администрации сибирских пенитенциарных учреждений. Часто рабочий инвентарь (ломы, лопаты, пилы, топоры) находился без присмотра в бараках, где проживали заключенные, что давало им возможность совершать подкопы и нападать на надзирателей [21, с. 31]. 1 октября 1931 г. во время проверки Верхне-Обской команды ВОХР были замечены многочисленные нарушения режима содержания:

1. Бараки заключенных Боровлянской и Песьяновской группы (лесопильный завод), расположенные в центрах рабочих поселков, ничем не были огорожены.
2. Заключенные свободно общались с вольными гражданами.
3. Повсюду процветало пьянство и разврат.
4. Среди спецконтингента наблюдалось заражение венерическими заболеваниями.
5. На улицах населенных пунктов бродили пьяные мужчины и женщины: как заключенные, так и вольнонаемные.
6. В бараках грязь, не были убраны нары. Повсюду окурки, мусор. На столах – объедки пищи, тучи мух¹⁰.

В Мариинске в 1938 г. ряд вольнонаемных работников Управления Сиблага НКВД СССР направляли заключенных в столовую, промтоварный ларек, доверяя им свои пропуска на право пользоваться столовой и ларьком¹¹. Все эти факторы значительно увеличивали риск совершения побегов.

Способы побегов

Распространенным и достаточно рискованным способом побега был т. н. побег «на рывок», совершаемый в непосредственной близости от охранников. В 1942 г. из под конвоя во время копки могил в Мариинском отделении бежал заключенный Д. Е. Паскаев 1918 г. рождения, осужденный на 7 лет. 8 сентября 1942 г. в 3 часа ночи он вышел

на железнодорожные пути, где был задержан членами бригады содействия милиции (Бригадмила), путевым обходчиком Г. П. Кутиминим при содействии стрелка разъезда Антибесс А. Ф. Харченко. Им была объявлена благодарность и выдана премия в размере 150 руб. каждому¹².

Одним из способов противозаконного выхода на волю было использование подземных ходов. В Березово-Пристанском лагункте Сиблага в августе 1937 г. стрелок ВОХР Тимофеев раскрыл подкоп и обнаружил в лагере запрещенные вещи, которые могли пригодиться в побеге (топоры, пилы)¹³. 12 сентября 1942 г. в Мариинском отделении Сиблага путем подкопа под зону пытались бежать заключенные Ю. С. Баскаков, осужденный на срок 5 лет, и И. В. Смирнов, осужденный на 3 года. В 20 часов 45 минут стрелок Д. Ф. Швакин, заступая на ночной пост и проверяя зону, обнаружил вырытую траншею и увидел двух человек. На окрик «Стойте!» заключенные бросились бежать, сотрудник применил оружие, ранил Баскакова и задержал Смирнова. Д. Ф. Швакину была объявлена благодарность и премия в 100 руб.¹⁴

Некоторые заключенные пытались спрятаться на рабочем объекте и, дождавшись ухода охранников, совершить побег. 10 июня 1931 г. стрелок Новосибирской команды П. П. Боровиков караулил заключенных, работавших в пойме реки, и после окончания работ не досчитался одного человека. Приняв все меры и тщательно обыскав место работы, Боровиков все же нашел беглеца, который зарылся в песок¹⁵.

Особенностью побегов из Алтайлага в военное время было широкое использование автомобильного транспорта. 5 августа 1943 г. из колонны № 37 этого исправительно-трудового лагеря был совершен групповой побег на автомобиле ЗИС. Заключенный Морозов, ремонтируя автомобиль, самовольно перекрасил кузов, «повесил другой номер 33-77 МП и получив солидный запас бензина скрылся на автомобиле с "подельниками"»¹⁶. 9 августа 1943 г. из колонны № 37 был совершен побег трех заключенных на автомашине № 225; 21 августа 1943 г. с этой же колонны был допущен автопобег трех заключенных на машине № 233¹⁷.

Случались и дерзкие нападения заключенных на охранников с целью завладения оружием и совершения побега. 26 июня 1943 г. стрелок 4 взвода 3 отряда Алтайлага А. Е. Минеев конвоировал бригаду из 16 заключенных на строительство землянки, находящейся в 100 м от зоны колонны № 35. Постепенно группа заключенных отрицательной направленности вошла в доверие к конвою. Главарь бандитов

⁹ АИЦ УМВД России по Тюменской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

¹⁰ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 1. Д. 3. Л. 136.

¹¹ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 10. Д. 39. Л. 20.

¹² АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Т. 3. Л. 25.

¹³ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Д. 144. Л. 4, 5.

¹⁴ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Т. 3. Л. 46.

¹⁵ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 1. Д. 3. Л. 50.

¹⁶ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 383. Л. 75.

¹⁷ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 384. Л. 28.

пригласил Минеева выпить воды и, выбрав момент, набросился на него: схватил за шею, свалил с ног, связал и забрал винтовку с 30 боевыми патронами. После этого он совершил побег совместно с заключенными Гарицыным, Скобелевым, Вильт. В районе кладбища пос. Джантай беглецы были застигнуты командиром 4 взвода 3 отряда Салмышевым, проводником служебно-розыскных собак Ершовым и начальником колонны. Завязалась перестрелка, в ходе которой Минеев проявил трусость, отступил, Ершов был убит, преступники забрали его наган, 16 боевых патронов и скрылись. Лишь 1 августа 1943 г. они были задержаны в Угловском районе Алтайского края силами местных жителей¹⁸.

За преступления в места лишения свободы стали попадать и бывшие бойцы Красной Армии. Поэтому в военный период, с 1941 г. по 1945 г., бежали из мест заключения осужденные, успевшие обрести боевой опыт.

Несовершенство ведомственного нормативно-правового законодательства приводило к трудностям в определении личности осужденного. Задерживаемые беглецы часто не называли своих настоящих имен и фамилий и давали при допросах неверные сведения о наличии судимости и своей социальной принадлежности, что создавало трудности при выяснении личности. Только 18 марта 1931 г. был издан Приказ ОГПУ № 132/181, на основании которого всех заключенных осужденных перед направлением в лагеря следовало фотографировать в анфас и профиль. На каждого заключенного, направленного в лагерь, посылалось вместе с выпиской из постановления по 3 экземпляра фотокарточек каждого вида¹⁹.

Количество побегов

Численность бежавших заключенных в СССР в разные годы сильно разнилась и зависела, прежде всего, от их общей численности. На 1937 г. пришелся пик репрессивной государственной политики, в результате которой выросло и число осужденных. В годы Великой Отечественной войны произошло уменьшение заключенных в связи с тем, что значительная часть густозаселенной территории Советского Союза была оккупирована противником или являлась ареной кровопролитных сражений. К тому же под влиянием патристического подъема и по другим причинам немалая часть заключенных сменила тюремную робу на солдатскую гимнастерку, сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны. Соответственно, снижение численности спецконтингента повлияло на уменьшение числа побегов.

Всего из лагерей ГУЛАГа в 1937 г. бежало 58264 заключенных, в 1940 г. – 18076, в 1941 г. – 22032, в 1942 г. – 27246,

в 1943 г. – 14796, в 1944 г. – 9497, в 1945 г. – 5666 [22, с. 135]. В Западно-Сибирском регионе в годы войны усиленно шла эвакуация спецконтингента с западных районов страны, что заметно сказалось на их общей численности.

Зачастую бегство осужденных в отдельных подразделениях советской пенитенциарной системы носило массовый характер. Только за первое полугодие 1942 г. из сибирского исправительно-трудового лагеря (Сиблага) бежало 136 человек (задержано 122 беглеца). В связи с ведением полевых работ только за июль 1942 г. совершили побег 59 заключенных²⁰.

Охрана заключенных

Охрана мест заключения осуществлялась с большими нарушениями. Во многих тюрьмах, лагерях и колониях электрическое освещение и сигнализация отсутствовали. Разжигались костры, видимость от которых в ночное время была ограничена. В темное время суток керосиновые лампы за отсутствием топлива часто не горели²¹.

В целях экономии в лагерные охранники набирали и самих заключенных (т. н. самоохранники). Стрелкам из заключенных за хорошую службу предоставлялась возможность уменьшения срока до 1/3²². На 1 января 1939 г. количество стрелков охраны из заключенных достигало во всей системе ГУЛАГа 25 тыс. человек²³. Однако низкая дисциплина у большинства «самоохранников» провоцировала нарушение режима содержания в местах лишения свободы в среде осужденных. Только в Арлюкском отдельном стрелковом взводе ВОХР в течение января-февраля 1937 г. было допущено 18 побегов бесконвойных и 2 побега конвойных заключенных. Со 2-й фермы в самовольную отлучку в д. Кармановку ушли стрелки-заключенные Останчук и Миронов, по возвращении у них было обнаружено 6 флажков с одеколоном.

Расконвоированные заключенные, оставшиеся без должного контроля, незаконно покидали места лишения свободы. В мае 1938 г. количество побегов в Арлюкском, Яйском, Мариинском лагерных пунктах имело устойчивую тенденцию к росту. Вопрос расконвоирования заключенных перекладывался начальником на второстепенных лиц, что в итоге увеличивало численность беглецов. В Яйском лагпункте отпущенный начальником Гомжиным в поселок по личным делам заключенный Рогачев связался с местным преступным элементом, пьянствовал двое суток и после ссоры был убит и расчленен топором.

Начальник Суловского отдельного лагерного пункта Павелко, практикуя массовые расконвоирования, допустил 80 побегов в 1938 г.²⁴ Побег осужденные совершали

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1132. Л. 82.

²⁰ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

²¹ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 34. Л. 39.

²² ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1133. Л. 65.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–124.

²⁴ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 34. Л. 36, 37.

как из самих мест лишения свободы, так и во время выхода на работы, при перевозке в другие части страны.

Из зоны Белогорского участка Кожуховского отдельного лагерного пункта 2 сентября 1942 г. в 24 часа 00 минут путем пролома забора пытался бежать заключенный В. Ф. Шунайлов. Стрелок И. И. Лазарев, находясь в дозоре, увидел его и, применив оружие, ранил беглеца в руку. Осужденный был задержан²⁵.

Около железнодорожного моста «Овраг – река Черемшанка» 1 июня 1936 г. в 2 часа ночи из проходившего эшелона совершили побег четверо заключенных. Благодаря бдительности дежурного по гарнизону красноармейца Орешко и умелым действиям красноармейцев Майорова и Найденова с привлечением служебных собак вожатых Лукашина и Воронина побег был предотвращен²⁶.

Сотрудникам исправительно-трудовых учреждений несение службы осложняло негативное отношение части местных жителей, связанных с криминальным миром. В ночь с 3 на 4 апреля 1938 г. в с. Куре-Смоленка Верх-Чебулинского района Новосибирской области был убит стрелок – оперативник Суловского дивизиона Ф. И. Захаров, который ранее задержал четверых бежавших заключенных, скрывавшихся в этом населенном пункте. В отместку четверо односельчан (Евдокимов, Зорин и братья Алябьевы) в 2 часа ночи, подкараулив возвращавшегося домой Захарова, напали на него и ударом кола по голове убили, забрав револьвер и сбросив труп в реку²⁷.

Для пресечения побегов часовым было разрешено применять оружие на поражение. Эффективной мерой в борьбе с побегими в местах лишения свободы в Западно-Сибирском регионе стало широкое привлечение местных жителей к операциям по поимке беглецов, создание Бригадмилов, активизация агентурного аппарата.

Последствия бегства заключенных

Побег из мест лишения свободы являлся чрезвычайным происшествием для советской пенитенциарной системы. Нередко во время побегов заключенные совершали тяжкие преступления. Уголовные элементы, оказавшись на свободе, возобновляли свою преступную деятельность, усложняя и без того тяжелую криминогенную обстановку в стране.

В ночь с 17 на 18 сентября 1943 г. группа заключенных, бежавших из Алтайлага на автомашине № 181, принадлежавшей 47 колонне 4 отделения, совершили нападение на колхозников. Преступники, вооруженные большим ножом, согнали потерпевших в одну комнату, заперев ее. Бандиты принялись грабить квартиру, унося с собой продукты, вещи, два охотничьих ружья с патронами, заколы двух баранов. Погрузив награбленное в кузов машины, они скрылись в неизвестном направлении²⁸.

Вклад заключенных в развитие советской экономики был большим. В 1929 г. было принято Постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», в результате чего сибирская инфраструктура развивалась с привлечением рабочей силы из числа осужденных. Пенитенциарные учреждения Советского государства в 30–40-е гг. XX в. были сосредоточены в ведомстве НКВД и выполняли две основные задачи: карательную и экономическую [23, с. 346]. Таким образом, побег заключенных в определенной мере оказывали негативный эффект для экономического состояния страны.

Оперативная работа по предотвращению побегов

С целью совершенствования борьбы с побегими был издан приказ ОГПУ от 29 августа 1932 г. № 828с «О слиянии аппаратов военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей с информационно-следственными отделами лагерей на местах и в центре и о переименовании последних в секретно-оперативные отделы». Впоследствии в соответствии с приказом ОГПУ от 23 сентября 1932 г. № 923с секретно-оперативные отделы стали называться (в целях конспирации) третьими отделами. В 1937 г. были организованы отделения, оперативным путем предотвращавшие побег, принимавшие меры по розыску бежавших заключенных и осуществлявшие следствие по делам о побеге. В 1940 г. третьи отделы и третьи отделения, входившие в структуру местных управлений НКВД, были реорганизованы в оперативно-чеккистские отделы (отделения), а с 1941 г. сменили название на оперативные отделы системы исправительно-трудовых учреждений [24].

Значительно осложняло оперативную обстановку в местах лишения свободы наличие сплоченной группы профессиональных преступников, т. н. «воров», которые всячески стремились нарушить режим содержания и не желали вставать на путь исправления. Отрицая трудовую деятельность, морально разложившиеся личности с темным прошлым, имевшие, как правило, не одну судимость, занимались кражами, грабежами, разбоями, систематически избивали других заключенных, играли в азартные игры, сожительствовали с женщинами, злоупотребляли спиртными напитками, оказывали сопротивление и угрожали надзирательскому составу [25].

В 1937 г. в Ново-Ивановском отделении Сиблага бандитская группа численностью 20 человек участвовала в вооруженном налете на барак заключенных во время преступных разбирательств. В результате заключенному Тенисскому было нанесено ранение топором. В мае 1937 г. преступниками было совершено ограбление лагерной кухни (украдено 12 кг мяса), в июне 1937 г. они совершили кражу в продовольственном ларьке в Ново-Ивановском отделении Сиблага²⁹.

²⁵ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Т. 3. Д. 4. Л. 41.

²⁶ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 234. Л. 192.

²⁷ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 36. Л. 94, 95.

²⁸ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 407. Л. 88.

²⁹ АИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. К. 9. Д. 36. Л. 152.

В Чистюньском отделении Сиблага группа лагерных воров в составе заключенных Я. М. Брагина, А. И. Казымова, Г. А. Лысенко, А. А. Чудинова изготавливала пиво из отпущаемых продуктов для кормления телят, периодически устраивая пьяные оргии³⁰.

Оперативные подразделения пенитенциарной системы СССР принимали все допустимые меры по предотвращению побегов заключенных. Но контроль в отношении заключенных со стороны руководства в ряде подразделений пенитенциарной системы проводился из рук вон плохо. В 1942 г. в Орлово-Розовском отделении Сиблага состояние учета заключенных оказалось хаотичным. Десятки умерших, освободившихся заключенных все еще состояли на довольствии. О нахождении 175 заключенных в Арлюке руководству лагерного отделения было неизвестно³¹.

Во время подготовки оперативных работников изучались и методы противодействия побегам осужденных. Централизованная курсовая подготовка сотрудников ГУЛАГа начала осуществляться с октября 1939 г. [26, с. 75].

Заключение

Побеги заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.) являлись чрезвычайными уголовно наказуемыми деяниями. Их основными причинами были тяжелые санитарно-бытовые условия, большие сроки изоляции за незначительные правонарушения, возникшая угроза жизни и здоровью заключенных. Провоцировало побег и халатное отношение к службе ряда сотрудников исправительно-трудовой системы. Способы побегов были разнообразны: «на рывок», нападения на охрану, подкопы, побег с использованием автотранспорта, попытка скрыться, прячась на рабочих объектах, с помощью местных жителей, в ночное время, пользуясь отсутствием освещения. В 1940-е гг. количество побегов постепенно уменьшалось. Это было, прежде всего, связано с уменьшением численности осужденных. Во время формирования советской пенитенциарной системы не всегда учитывался дореволюционный опыт.

Литература

1. Кузьмин С. И., Железная Ю. Ю. Организационно-правовые меры предотвращения побегов заключенных из исправительно-трудовых лагерей (1929–1956 гг.) // История государства и права. 2015. № 15. С. 24–28.
2. Сенкевич В. В. Исторический аспект правовых мер предупреждения побегов из мест лишения свободы // Вестник Академии права и управления. 2010. № 21. С. 138–142.
3. Кузьмин С. И. Побег заключенных как форма протеста против карательной политики и условий содержания в местах лишения свободы в 30–50 гг. XX в. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 6. С. 29–32.
4. Умнягин В. В. Побег за границу и жизнь на чужбине по воспоминаниям соловецких узников // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 303–307.
5. Сорокин М. В., Сорокина О. Е. Предупреждение правонарушений в тюрьмах и следственных изоляторах НКВД СССР в 40-х гг. XX в. // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 3. С. 52–56.
6. Дашин А. В., Игнатков А. А. К вопросу о массовых неповиновениях заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР (1920–1940-е годы) // Современное право. 2014. № 12-1. С. 82–87.
7. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. М.: Русайнс, 2015. 224 с.
8. Смирнов А. Б. Эволюция и проблемы пенитенциарной системы России в контексте цивилизационного развития // III Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступ. и докл. участников. (Рязань, 21–23 ноября 2017 г.) Рязань, 2017. Т. 3. С. 74–82.
9. Смирнов А. Б., Очередыко В. П. Пенитенциарная система советского государства в предвоенные и военные годы (1930–1945 гг.) и ее роль в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 61–66.
10. Реент Ю. А., Жигалев А. В. Исправительно-трудовая система советской России в довоенный период (1921–1940 гг.). М.: РГ-Пресс; Проспект, 2018. 190 с.
11. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. М.: Юрид. центр Пресс, 2004. 608 с.
12. Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколониализации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 93–104. DOI: 10.21638/11701/srbu24.2016.306
13. Маменкова Е. С. Красноярский ИТЛ НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 19–23.
14. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 516 с.
15. Мить А. А. Формирование лагерной системы в Кузбассе в 1920-е – начале 1940-х гг.: оценка численности заключенных // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории / отв. ред. К. А. Заболотская. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 100–113.

³⁰ АИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 151.

³¹ АИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп.1. Д. 2. Л. 67.

16. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 1999. 490 с.
17. Ковалева Е. А. Организация трудового использования спецконтингента исправительно-трудовых учреждений южноуральского региона в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война – героическая и трагическая страницы в истории советского народа: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 14–15 июня 2016 г.) Оренбург, 2016. С. 172–176.
18. Иваненко А. В., Малкова Ю. А. Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937–1941 гг.) // Эпомен. 2019. № 31. С. 30–39.
19. Пертали Л. Ф. Профилактика побегов заключенных в дореволюционной России // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. С. 43–46.
20. Упоров И. В., Абазов А. Б. Пенитенциарная политика советского государства в контексте функционирования органов госбезопасности (1930-е годы) // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2019. № 4. С. 42–45.
21. Суверов Е. В. К вопросу о режиме содержания заключенных в местах лишения свободы в Западной Сибири во время Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1. С. 29–33.
22. Детков М. Г., Шамсунов С. Х., Алексушин Г. В. Уголовно-исполнительная система, 130 лет. М.: Юриспруденция, 2009. 301 с.
23. Куаньшева В. В. Особенности реализации пенитенциарной политики СССР в период массовых репрессий (1936–1941 гг.) // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: мат-лы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. (Самара, 16–17 июня 2016 г.) Самара, 2016. С. 344–347.
24. Агарков А. В. Трансформация задач оперативных подразделений пенитенциарной системы СССР в первой половине XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 141–144.
25. Суверов Е. В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929–1941 гг. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 124 с.
26. Волошин Д. В. Курсовая подготовка пенитенциарного персонала в предвоенное время (1940-е гг.) // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1. С. 75–78.

original article

Prison Escapes in Western Siberia (1930–1945)

Evgeny V. Suverov^{a, @}^a Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Barnaul

@ suverovev69@mail.ru

Received 04.02.2020. Accepted 15.05.2020.

Abstract: The author analyzed the causes and consequences of prison escapes in Western Siberia in 1930–1945, which were a serious problem for the entire Soviet correctional labor system. The reasons behind frequent prison escapes can be summarized as follows: substandard living conditions, a complex production schedule, violent inmates, severe punitive measures for minor crimes, and relatively lenient punishment for escapes. The situation was aggravated by the negligent attitude to the service among wardens, their non-compliance with official discipline and job descriptions, as well as by ineffective use of the agent network. The escapes grew even more frequent in the late 1930s because the number of convicts increased during the Great Terror. The opposite pattern prevailed during World War II due to the general reduction of prison population during the occupation of the European Russia and the fact that some categories of convicts were allowed to enlist in the army. The fugitives posed a real threat to local residents. Once they were free, they committed murders, robberies, and rapes, which significantly worsened the difficult criminal situation in the West Siberian region. The NKVD employees of the Joint State Political Directorate of the Council of People's Commissars of the USSR prevented escapes and detained the prisoners. The research objective was to establish the causes, consequences, and various forms of prison escapes in Western Siberia in 1930–1945.

Keywords: camp, guards, prison, Siblag, Altaylag, Western Siberia, prison escape

For citation: Suverov E. V. Prison Escapes in Western Siberia (1930–1945). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 362–369. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-362-369>

References

1. Kuzmin S. I., Zheleznaya Yu. Yu. Organizational-law measures of prevention of escape by prisoners from correctional-labor camps (1929–1956). *Istoriia gosudarstva i prava*, 2015, (15): 24–28. (In Russ.)
2. Sienkiewicz V. V. The historical aspects of legal measures on prevention of the escapes from jail. *Vestnik Akademii prava i upravleniia*, 2010, (21): 138–142. (In Russ.)
3. Kuzmin S. I. The prisoners are escaping as a form of protest against punitive policies and conditions in places of detention in 30–50 XX century. *Ugolovno-ispolnitelnaia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2013, (6): 29–32. (In Russ.)
4. Umnyagin V. V. Escape abroad and life in the foreign land in the Solovki prisoners' memoirs. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2016, (1): 303–307. (In Russ.)
5. Sorokin M. V., Sorokina O. E. The prevention of offences in prisons and remand centers of the people's commissariat of Internal Affairs (PCIA) of USSR in the 40s of the twentieth century. *Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta*, 2014, (3): 52–56. (In Russ.)
6. Dashin A. V., Ignatkov A. A. To the question about the mass nepovineniya prisoners in correctional labor camps of the USSR (1920–1940). *Sovremennoe pravo*, 2014, (12-1): 82–87. (In Russ.)
7. Smykalin A. S. *Forced labor camps and prisons in Soviet Russia*. Moscow: Rusains, 2015, 224. (In Russ.)
8. Smirnov L. B. Evolution and problems of the Russian penitentiary system in the context of civilization development. *III International penitentiary forum "Crime, punishment, correction"*: Proc. of participants, Ryazan, November 21–23, 2017. Ryazan, 2017, vol. 3, 74–82. (In Russ.)
9. Smirnov L. B., Ocheredko V. P. The penitentiary system of the Soviet state in the pre-war and war years (1930–1945) and its role in achieving Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2005, (2): 61–66. (In Russ.)
10. Reent Yu. A., Zhigalev A. V. *The correctional labor system of Soviet Russia in the pre-war period (1921–1940)*. Moscow: RG-Press; Prospekt, 2018, 190. (In Russ.)
11. Uporov I. V. *Prison policy of Russia in the XVIII–XX centuries*. Moscow: Iurid. tsentr Press, 2004, 608. (In Russ.)
12. Khatanzeiskaya E. V. Arkhangelsk in the system of special colonization of Northern region in 1929–1936. *Noveishaia istoria Rossii*, 2016, (3): 93–104. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.306
13. Mamenkova E. S. Krasnoyarsk Forced Labour Camp of the USSR National Commissariat of Military Affairs during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 19–23. (In Russ.)
14. Gvozdkova L. I. *The history of repression and the Stalin's camps in Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 516. (In Russ.)
15. Mit' A. A. The formation of the camp system in Kuzbass in the 1920s – early 1940s: estimation of the number of prisoners. *Actual problems of modern Russian history*, ed. Zabolotskaia K. A. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 100–113. (In Russ.)
16. Rasskazov L. P., Uporov I. V. *Imprisonment in Russia: origins, development, and prospects*. Krasnodar: Krasnodarskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 1999, 490. (In Russ.)
17. Kovaleva E. A. Organization of the labor use of the special contingent of correctional labor institutions of the South Ural region during the Great Patriotic War. *The Great Patriotic War – a heroic and tragic page in the history of the Soviet people*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orenburg, June 14–15, 2016. Orenburg, 2016, 172–176. (In Russ.)
18. Ivanenko A. V., Malkova Y. A. Historical and legal analysis of formation of the soviet penential system (1937–1941). *Apemen*, 2019, (31): 30–39. (In Russ.)
19. Pertli L. F. Escapes of prisoners in pre-revolutionary Russia. *Monitoring pravoprimeneniia*, 2014, (4): 43–46. (In Russ.)
20. Uporov I. V., Abazov A. B. Prison policy of the Soviet state in context of functioning of security bodies (1930s). *Ekonomika. Pravo. Pechat. Vestnik KSEI*, 2019, (4): 42–45. (In Russ.)
21. Suverov E. V. To the question of detention regime of prisoners in imprisonment places in West Siberia during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2015, (1): 29–33. (In Russ.)
22. Detkov M. G., Shamsunov S. Kh., Aleksushin G. V. *130 years of criminal executive system*. Moscow: Iurisprudentsiia, 2009, 301. (In Russ.)
23. Kuanysheva V. V. Features of the implementation of the penitentiary policy of the USSR during the period of mass repressions (1936–1941). *The penal system at the present stage: the interaction of science and practice*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Interdepartmental Conf., Samara, June 16–17, 2016. Samara, 2016, 344–347. (In Russ.)
24. Agarkov A. V. Transformation of tasks of operative divisions in the penitentiary system of the USSR in the first half of the twentieth century. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*, 2010, (2): 141–144. (In Russ.)
25. Suverov E. V. *The formation and functioning of the Siberian Forced Labor Camp of the NKVD of the USSR (Siblag) in 1929–1941*. Barnaul: BlUI MVD Rossii, 2016, 124. (In Russ.)
26. Voloshin D. V. Training courses of penal staff in the prewar and wartime (1940s). *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2014, (1): 75–78. (In Russ.)